

привыкнуть къ мысли о тѣлесной смерти и не могли бы любить.

Для человѣка, который жизнь свою поставляетъ въ подчиненіи своей индивидуальности закону разума, страданіе не только не есть зло, но это необходимое условіе его животной жизни, такъ же, какъ и жизни разумной. Если бы страданіе не существовало, животная индивидуальность не знала бы о нарушеніи своего закона; если бы сознаніе разумное не испытывало страданія, человѣкъ никогда не зналъ бы истины и закона собственнаго существа.

Нельзя признать взглядъ гр. Толстого на страданіе вполне философическимъ. Если во многихъ случаяхъ физическая боль дѣйствительно предупреждаетъ о грозящей организму опасности, то къ чему она, когда опасность эта совершенно неизбѣжна, какъ въ неизлѣчимыхъ болѣзняхъ. Если страданіе и физическую боль совсѣмъ нельзя считать зломъ, то вмѣстѣ съ тѣмъ теряетъ смыслъ и нравственная обязанность по мѣрѣ силъ избавлять отъ нихъ ближняго. Разумное объясненіе предписаніе это можетъ имѣть только тогда, когда страданіе признается зломъ, неизбѣжность котораго слѣдуетъ признавать въ нѣкоторыхъ случаяхъ и подчиняться ей, чтобы не усиливать страданія самымъ сопротивленіемъ неизбѣжному.

При допущеніи реальной множественности индивидуумовъ страданіе является логически необходи-